Несмотря на то, что сельскохозяйственные культуры здесь не росли, по краю двора Тадзуны было достаточно подлеска, чтобы у нее занозились голени, когда она бросилась к деревьям.

Сакура не испытывала особого страха перед собаками и не думала, что Какаши-сенсей может причинить ей вред вне тренировки. Но все это не имело никакого значения под внезапно нахлынувшей волной страха. Он не оставлял места для таких мыслей, как "почему", и едва хватало места для того, чтобы вспомнить, что она куда-то бежит, а в голове у нее доминировало то, от чего она бежала.

Каждый высокий сорняк, цепляющийся за ее ногу, становился первым сжатием зубов, каждый ветерок, шелестящий ветками, - шумом погони. Она прошла с полдюжины ярдов, прежде чем собралась с мыслями, чтобы скорректировать направление.

Она бежала, как бегала по мосту, как бегала по палубе, не обращая внимания ни на то, что ее кожа может покрыться пятнами, ни на то, как сильно она вспотеет, ни на то, как она выглядит. Она просто бежала.

Возможно, это и к лучшему, но кое-что из того, что ее инструкторы в Академии безрезультатно пытались вдолбить в нее до автоматизма, тоже было утрачено. Осанка была небрежной и неаккуратной, темп бега не заботился о выносливости, а из-за дискомфорта, вызванного дыханием через все еще не окрепший нос, вскоре она уже отчаянно задыхалась ртом.

Когда они занимались спринтерским бегом в Академии, у нее было неплохое чувство времени: она могла с точностью до секунды определить, сколько успеет пробежать, прежде чем инструктор объявит время. Но чувство времени исчезло, превратившись в тяжелый стук сердца. Она не могла определить, как далеко она ушла, когда он выпустил собак.

Вдалеке не было слышно лая, чтобы предупредить ее.

А поскольку они достигли более густого соснового леса, где подлесок поредел, не было слышно даже шума массивного тела бульдога, продирающегося сквозь заросли.

Вместо этого до нее донесся хор рычаний, которые звучали не так далеко, чтобы это было удобно. Она думала, что уже достигла предела скорости, вызванной адреналином, но каким-то образом подстегнула себя еще больше, спотыкаясь и наполовину скользя по грязному берегу, когда наконец достигла края большого главного островка. В спешке она зацепилась ногой за один из обнажившихся мангровых корней и рванулась вперед, успев поймать себя прежде, чем упасть, но от этого движения затянулась заживающая рана на груди.

Она горела, как и ушибленные колени, с которыми было меньше проблем, когда она укрепляла их чакрой во время упражнений по лазанию по деревьям и прыжкам. Эта мысль каким-то образом пробилась сквозь дымку паники, затуманившую ее разум, и она помчалась вперед с новой, усиленной чакрой скоростью. Это позволило ей отвлечься от собак: их рычание перешло в открытый лай. Это не было полнозвучным лаем гончих, но было достаточно близко, чтобы она продолжала изо всех сил бежать вперед, несмотря на растущий шов в боку.

Она бежала быстрее, чем когда-либо прежде, и даже если бы местность была знакомой, скорость, с которой она двигалась, сделала бы некоторые вещи более трудными для отслеживания. Листопадные ветки, казалось, хлестали из ниоткуда, и она поймала лицом паутину, жительница которой осталась невредимой. Казалось, она горит, и она вцепилась в нее когтями, пытаясь снять, оторвать, и тут ее плечо зацепилось за ствол дерева.

От силы удара ее развернуло, плечо болело, но ей удалось и раздавить пассажира, и развернуться, не упав.

Это ей дорого обошлось. Сакура потеряла все пространство между собой и собаками: одна из них, поменьше, метнулась вперед, задев зубами подол ее платья, и каблук едва не ударил ее в челюсть, когда она снова привела свое тело в движение.

Она использовала чакру, и у нее постепенно получалось все лучше и лучше, только чуть не врезалась в другое дерево, прежде чем снова побежала. Ее восприятие мира сузилось до того, что в нем остались только деревья, земля, собаки и цель, которая всегда казалась такой далекой.

Но какая-то часть ее сознания понимала, что если она продолжит бежать, то обязательно доберется до места. Это подстегнуло ее преодолеть еще несколько необитаемых островков, хотя горло уже начинало болеть, а бок сводило судорогой, но когда они становились все меньше и какая-то часть ее сознания начала думать: "Я смогу это сделать", линия кунаев вонзилась в грязь рядом с ее ногами.

Они были так близко, что попадали в ее сандалии с открытыми носками. К этому моменту Сакура была почти без сил. Она не думала, что у нее хватит сил на дальнейший испуг, но оказалось, что она ошибалась, когда, споткнувшись, упала на спину. Ее взгляд автоматически метнулся вверх по траектории их полета, где она уловила краткую вспышку движения.

Не успела она решить, был ли это Какаши-сенсей или нет, как увидела еще один кунай. Она едва успела отдернуть руку, прежде чем ее прижало к земле. Каким-то образом она поднялась на ноги и снова начала двигаться, но теперь, вместо того чтобы прокладывать прямую линию, как позволял рост, она оказалась в коварной игре, в которой ей приходилось уворачиваться от деревьев и неловко уклоняться. Она уже не могла просто бежать, кунаи и страх быть

пораженной ими заставляли ее настороженно смотреть вверх, где она могла уловить вспышки движения, прежде чем в нее полетят новые кунаи.

К тому времени, как она достигла цели, ее выносливость сильно снизилась, и она уже почти спотыкалась, а не бежала вперед. Остановившись на гребне крошечного островка, она первым делом перевернулась на спину и вытряхнула из желудка все, что съела на завтрак, и почти все, что было на ужин. Она каким-то образом вымазалась в грязи, у нее все болело, а пот капал в глаза и с кончика носа.

У неё не хватило сил даже на то, чтобы бросить взгляд на Какаши-сенсея, когда он появился с явно невозмутимым видом, - только на то, чтобы отшатнуться от беспорядка, который она устроила, и рухнуть на пол.

"Сакура, у тебя судороги. Тебе стоит немного пройтись, чтобы остыть".

Как выяснилось, у нее хватило сил на то, чтобы оскалиться, даже когда она с трудом поднялась на ноги, но она была не одинока в своем недовольстве. Его нинкены тоже недовольно смотрели на него.

"Это было просто подло, Какаши", - сказал загорелый со своего места.

"Ага", - согласился седовласый с ирокезом. "Преследовать генинов - это совсем не круто, боцман".

Гигантский бульдог издал воющий звук, который Сакура расценила как согласие.

"Так, все, - отругал их Какаши-сенсей с улыбкой на лице, - вы говорите так, будто в этом упражнении не было никакого смысла".

Сакура все еще хрипела, поэтому потребовала: "И?".

Какаши-сенсей достал из кармана секундомер. "Ты побила свой лучший результат в Академии. Мне нужен был базовый показатель, чтобы ты выложилась на полную, так что..."

"А ты не мог... просто... сказать мне...?"

"Мм. Мог бы, - признал он, - но я хотел, чтобы ты показала мне то, на что не способна даже ты. Мы будем работать до тех пор, пока ты не сможешь делать по крайней мере столько, ни разу не вспотев".

Сакура недоверчиво посмотрела на него. "Ты...", - прервалась она и покачала головой. "Ты бросил в меня кунаи!" - обвинила она.

"Не кунаи. Просто буратины", - улыбнулся Какаши-сенсей. "Вот что было в той сумке. Практическое применение гендзюцу, которое вы изучали на этой неделе. Оно может сделать что-то безобидное похожим на что-то опасное. А что-то опасное может выглядеть безобидным. Но, - и его тон перешел в лекционный режим, - оно очень слабое. Если бы вы не были в панике, вы бы это заметили. Если не хочешь, чтобы противник в неподходящий момент понял, что происходит на самом деле, нужно подготовить сцену для этого гендзюцу. Если бы ты сумел перебороть свой страх и попробовал простое кай, то, возможно, сумел бы сломать первое гендзюцу, которое я использовал. Очень простая эмоциональная манипуляция. И очень распространенная. Но у тебя будет достаточно времени, чтобы подумать об этом.

"По утрам вы с моим нинкеном будете работать вместе - хотя обещаю, что это не будет такой захватывающей погоней, как сегодня утром. А в качестве поощрения я отменю для тебя, Сакура, правило "никаких грязных лап" и "никаких поцелуев"".

Это привлекло внимание его нинкена, который навострил уши и настороженно вильнул хвостом. "Так ты собираешься отпустить нас на волю?" - потребовал серо-пушистый.

"Это точно", - согласился Какаши-сенсей.

Сакура нахмурилась, не будучи уверенной, что ей нравится такой расклад, но страх перед погоней был в ней силен. Она готова терпеть, лишь бы иметь возможность опередить преследующих ее тварей. Дыхание немного облегчилось, и она смогла спросить: - А разве вызов нинкена не расходует много чакры? Ведь они же вызываются?"

"А, - сказал Какаши-сенсей, меняя секундомер на книгу, - не совсем, нет. По крайней мере, не в том смысле, о котором вы, вероятно, подумали. Большинство людей используют термин "вызов" как общее понятие. Вы ведь изучали контракты на призыв в Академии, верно? Так вот, вы знаете, что свитки редки и в подавляющем большинстве находятся во владении крупных кланов. Они представляют собой древние договоры с группами очень могущественных существ, которые могут жить десятки человеческих жизней и достигать огромных размеров. Да и запасы чакры у них не ахти какие. Контракт не обязательно эксклюзивный - в основном он ограничивается щедростью владельца свитка.

http://tl.rulate.ru/book/100569/3438674